

УДК 94(470) 19/20

Региональные аспекты ценовой политики на хлебном рынке в 1920-х гг.

Светлана Михайловна Стасюкевич,

кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Дальневосточного государственного аграрного университета, Благовещенск.

E-mail: svetasm@inbox.ru

В статье рассматриваются организационный механизм и методы расчёта закупочных цен на дальневосточное зерно в условиях новой экономической политики. Анализируется практика ценового регулирования, которая была ориентирована на обеспечение рентабельности хлебозаготовок для государственных и кооперативных организаций, прибыльности экспорта зерна, приемлемости цен для городского потребителя. Доказывается, что экономически обоснованные методики расчёта заготовительных цен, предложенные дальневосточными специалистами, оказались невостребованными, а стимулирующие возможности адекватной ценовой политики не были реализованы из-за стремления государства к монополизму на хлебном рынке.

Ключевые слова: новая экономическая политика, ценовая политика, государство, кооперация, монополия, хлебный рынок, Дальний Восток.

Regional aspects of pricing policy in the grain market in the 1920s.

Svetlana M. Stasyukevich, Ph. D. in history, professor, Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshchensk.

The article considers the institutional mechanism and methods of calculation of purchasing prices for grain in the Far East under the New Economic Policy. It is shown that the practice of price regulation was aimed at ensuring the profitability of grain procurement for state and cooperative organizations, the profitability of grain exports, affordability for the urban consumer. Economically feasible method of calculating purchase prices proposed Far specialists were not in demand. Because of the desire of the state monopoly position in the grain market opportunities stimulate adequate pricing policy remained unfulfilled.

Keywords: new economic policy, price policy, state cooperation, monopoly, grain market, the Far East.

Ценовая политика (НЭП) советского государства на хлебном рынке периода нэпа до настоящего времени остаётся одним из наименее изученных вопросов. Существующая в отечественной историографии трактовка ценовых проблем аграрного рынка формирует представление о ценовых колебаниях как причинах кризисного развития экономики

в тот период. В публикациях последних лет прослеживаются этапы ценовой политики, алгоритм ценового регулирования, организационные формы и методы контроля цен на хлебном рынке, ценовая динамика и её связь с осуществлением заготовительных кампаний [5]. Однако вопрос о механизмах ценообразования остаётся открытым. В настоящей статье предпринимается попытка реконструировать процесс определения закупочных цен на хлебном рынке Дальнего Востока.

В октябре 1922 г. на Дальнем Востоке заканчивается Гражданская война и устанавливается власть Советов. С начала 1923 г. разворачивается ускоренная интеграция региона в советское экономическое пространство. 22 марта 1923 г. на совещании по работе в деревне при Дальбюро ЦК РКП(б) была поставлена задача ввести государственное регулирование рынка сельскохозяйственных продуктов [ГАХК. Ф. П-335. Оп. 1. Д. 50. Л. 27].

Заготовительная кампания 1923/24 г. стала первым опытом организованного выступления государства и кооперации на хлебном рынке региона. На Дальнем Востоке в эту кампанию ценовые лимиты ещё не устанавливались. Порядок формирования закупочных цен определялся договором между Дальревкомом и Дальцентросоюзом, согласно которому губсоюзы кооперативов должны были рассчитать заготовительную цену для каждого экономического района, исходя из среднерыночных закупочных оптовых цен с учётом общего рынка сбыта и накладных расходов, и согласовать её с губфинотделами и губэкономком. Окончательно цены утверждались Дальцентросоюзом после резолюции уполномоченного Наркомфина. В таком же порядке происходил и пересмотр цен в случае их резкого колебания. Общий контроль возлагался на Дальэкономком [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 584. Л. 172].

С началом хлебной кампании обнаружились различные подходы к определению ценовой политики в регионе. Партийное руководство считало заготовительные цены на сельхозпродукцию завышенными [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 215. Л. 15 об.—16]. Дальцентросоюз, пользуясь монопольным правом ведения заготовок и стремясь к прибыльности этих операций, сразу же попытался установить достаточно низкие закупочные цены на зерно, ориентируясь при этом на стоимость привозной продукции [РГИА ДВ. Ф. Р-2478. Оп. 1. Д. 35. Л. 28—30].

Однако специалисты налоговых служб, земельных органов, экономических совещаний выступали против произвольного занижения закупочных цен, считая, что они должны быть достаточно высокими, чтобы стимулировать крестьянство. По оценке Приморского губэкономкома, утверждение низких цен нарушало интересы производителя [РГИА ДВ. Ф. Р-2478. Оп. 1. Д. 107. Л. 45—46]. Уполномоченный Наркомфина по Дальнему Востоку, учитывая неурожайность 1923 г. в дальневосточных губерниях, инициировал пересмотр цен на зерно в сторону повышения. Поясняя свою точку зрения, представители налоговой службы подчёркивали, что установление закупочных цен ниже среднегубернского рыночного уровня

неблагоприятно отразится на экономическом положении крестьянства, вызовет законное недовольство плательщиков и отрицательно скажется на уплате сельхозналога. По настоянию УНКФ закупочные цены на основные хлеба по всему ДВО были приближены к среднерыночным региональным и в ходе заготовок несколько раз пересматривались в сторону повышения [РГИА ДВ. Ф. Р-2478. Оп. 1. Д. 35. Л. 28—30; ГААО. Ф. Р-481. Оп. 3. Д. 25. Л. 12].

В 1924 г. во всесоюзном масштабе произошла реорганизация системы управления централизованными государственными и кооперативными хлебозаготовками. Руководство кампаниями было возложено на образованные в мае 1924 г. Наркомат внутренней торговли СССР и Наркомторги союзных республик [5, с. 96—97]. Одновременно на Дальнем Востоке создавались комиссии по внутренней торговле: 5 апреля начинает работать Дальневосточная краевая комиссия (Дальвнутторг), 30 апреля — Забайкальская, 6 мая — Приморская, 9 мая — Амурская губернские комиссии (губвнутторги). В августе комиссии по внутренней торговле преобразовали в отделения Наркомвнутторга [ГАХК. Ф. р-58 сч. Оп. 1. Д. 48. Л. 124]. Работа внутторгов в регионе разворачивалась в условиях жёсткого кадрового дефицита: в Дальвнутторге летом 1924 г. работало всего 3 человека, губернским отделам приходилось привлекать к решению поставленных задач аппарат Владивостокской и Читинской товарных бирж, губернских статистических бюро и губисполкомов [РГИА ДВ. Ф. р-2478. Оп. 1. Д. 60. Л. 35—36].

Перед внутторгами сразу же были поставлены задачи изучения хлебного рынка, нормирования цен, контроля за соблюдением ценовых лимитов всеми государственными и кооперативными заготовителями [РГИА ДВ. Ф. р-2478. Оп. 1. Д. 107. Л. 45—46]. Весной 1924 г. обязательными постановлениями дальневосточных губисполкомов устанавливался перечень товаров и продуктов, цены на которые подлежали постоянному контролю. На местах начиналась организация «нормальной работы в области фиксации цен». Так, 24 мая 1924 г. Амурская губернская комиссия по внутренней торговле в качестве ближайших планов наметила создание сети, через которую должен был периодически обследоваться уровень цен на основные товары. В постановлении подчёркивалась необходимость осторожного подхода к анализу цены на основании изучения всех сведений с подробной калькуляцией [ГААО. Ф. р-481. Оп. 2. Д. 20. Л. 2]. Из-за отсутствия собственных штатов дальневосточных внутторгов изучение рынков было поручено различным ведомствам и лицам, комитеты внутренней торговли должны были выполнять координирующую роль. К осени 1924 г. изучение рынков и разработка экономического обоснования ценовой политики в регионе даже не начинались [РГИА ДВ. Ф. р-2478. Оп. 1. Д. 60. Л. 35—37].

Тем не менее в заготовительную кампанию 1924 г. на Дальнем Востоке лимиты закупочных цен на зерно были установлены. Их разработка поручалась созданным осенью 1924 г. при Дальвнутторге и губвнутторгах

совещаниям по вопросам о хлебозаготовках, в рамках которых работали специальные комиссии по ценам. В состав совещаний вошли представители партийных и советских регулирующих органов и всех государственных и кооперативных организаций, допущенных к заготовкам в плановом порядке [ГАПК. Ф. п-61. Оп. 1. Д. 478. Л. 66; РГИА ДВ. Ф. р-2478. Оп. 1. Д. 107. Л. 45—46].

Первый опыт директивного ограничения уровня цен в дальневосточных губерниях был разным. Наибольший разрыв свободных и лимитных цен, порайонные колебания зерновых цен в первой половине кампании 1924/25 г. сохранились в Приморье. Только по таким культурам, как рожь, льняное семя, просо и рис, государственные закупочные цены были относительно адекватны рыночным. Свободные цены на основные культуры — пшеницу, овёс, бобы, гречиху — превышали лимитные на 20—40% [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 974. 63 об.; ГАПК. Ф. п-61. Оп. 1. Д. 478. Л. 65—66]. Оперативно реагировать на все колебания спроса и предложения в административном порядке оказалось невозможно, и во второй половине кампании в Приморье ценовые лимиты на второстепенные хлеба были отменены. Государственное регулирование сохранялось только для основных продовольственных культур: пшеницы и ржи [ГАХК. Ф. 58 сч. Оп. 1. Д. 71. Л. 65].

В Амурской губернии разрыв между частными и государственными ценами был намного меньше, но данное обстоятельство создавало для власти соблазн корректировать цены в сторону понижения. В начале сентября 1924 г. комиссия по хлебозаготовкам при губотделе внутренней торговли определила закупочную цену на пшеницу — 1,45 руб., ярицу — 1,0 руб. Но уже в октябре на заготовительных пунктах Благовещенского уезда за пшеницу давали не больше 1,3 руб. В январе 1925 г. Амурский губисполком понизил ценовой лимит на ярицу до 0,8 руб. за пуд, или на 20% от первоначального. Непоследовательность ценовой политики государства негативно сказывалась на настроениях деревни. Весной 1925 г. на беспартийной крестьянской конференции Еркевецкой волости Амурской губернии в адрес представителей власти прозвучал вполне справедливый упрёк: «Вот вы призываете к увеличению посева, посеву новых злаков, а не говорите, будут ли твёрдые цены и рынок сбыта. Мы с недоверием относимся теперь ко всему, то есть нас надули в прошлом году с ярицей, говорили — сейте, ибо на неё будет спрос и твёрдая цена, а когда пришлось везти на приёмный пункт губсоюза, то одно время не было приёма, а потом стали принимать за бесценнок» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 895. Л. 42—43; Д. 962. Л. 8 об.; Ф. 17. Оп. 31. Д. 14. Л. 56, 77].

Относительно ровным уровень заготовительных цен на протяжении всей кампании 1924/25 г. оставался только в Забайкалье, но объяснялось это сугубо потребительским характером губернии и её зависимостью от ввоза зерна из Сибири [ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1345. Л. 102].

В ходе заготовительной кампании 1924/25 г. на Дальнем Востоке помимо несоответствия местным условиям лимитных цен обнаружилась

проблема громоздкости механизма их установления и пересмотра. Вся процедура (от возникновения реальной проблемы на рынке) занимала не менее месяца, этот срок в условиях краткости заготовительного периода и постоянных рыночных колебаний был чрезвычайно долгим. Например, Амурский губисполком принял решение о пересмотре цен на ярицу и овёс 19 декабря 1924 г., а в действие оно было введено постановлением Дальэконосо от 13 января 1925 г. Парадоксальным образом официальные цены не только не обеспечивали интересы крестьянства, но и оказались убыточными для дальневосточных государственных торговых и кооперативных организаций. Необходимость выработки адекватной региональным особенностям методики определения государственных цен на зерно была очевидной. Дальневосточные губисполкомы настаивали на обязательном согласовании заготовительных цен на сырьевых рынках с местными отделами внутренней торговли [ГААО. Ф. р-481. Оп. 2. Д. 9. Л. 20 об.; Д. 10. Л. 17].

В преддверии заготовительного сезона 1925/26 г. в рамках общего курса «лицом к деревне» была скорректирована и ценовая политика: от установления лимитов государство перешло к «экономическим» методам регулирования [5, с. 128—129]. Декларируя дальнейшую либерализацию, Далькрайисполком отмечал: «уровень хлебных цен является фактором, определяющим политическое настроение деревни... и судьбы будущего сельскохозяйственного года...» [8, с. 308—309]. Постановление Дальревкома о хлебозаготовительной кампании подчёркивало, что цены должны поддерживаться исключительно экономическими мерами, и запрещало административное вмешательство в ценовую политику [ГАХК. Ф. 58 сч. Оп. 1. Д. 15. Л. 233]. В то же время директивы центра, дублировавшиеся постановлениями всех уровней местной власти, категорично настаивали на недопустимости резкого колебания цен, что на практике означало неприемлемость сколько-нибудь значительного повышения закупочной цены [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 973. Л. 88]. Таким образом, налицо был конфликт официально декларируемых и реальных целей.

С 1926 г. в масштабах страны ценовое регулирование возлагалось на Центральную конвенцию. Конвенционные бюро были призваны решать все вопросы, связанные с определением уровня заготовительных и продажных цен, другие проблемы хлебозаготовок, получали право наказывать нарушителей согласительных цен, объявляя выговоры, налагая денежные штрафы, закрывая ссыпные пункты [5, с. 156—157]. В августе 1926 г. на Дальнем Востоке сформировали краевую и окружную хлебные конвенции в составе представителей всех плановых заготовителей, Госбанка, Дальземуправления, Крайторга и под председательством последнего [ГАХК. Ф. р-353. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Ф. п-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 88—89].

На Дальнем Востоке с 1925/26 г. существовал следующий алгоритм определения заготовительной цены на зерно. Ориентировочные для губерний (округов) директивные цены рассчитывались Крайторгом, исходя из общего анализа конъюнктуры. На основании полученных результатов заготовители

с участием и под руководством губернских (окружных) внутторгов вырабатывали согласительные цены, которые пересматривались еженедельно. Непосредственно на местах хлебозаготовители могли немедленно видоизменять цену в зависимости от потребности рынка с последующим уведомлением внутторгов. С 1926 г. полномочия конвенционных бюро были существенно сужены: теперь они могли принимать решения только о понижении директивной цены [ГАХК. Ф. р-58 сч. Оп. 1. Д. 15. Л. 233; Ф. р-353. Оп. 1. Д. 15. Л. 17—18]. Усиливалась регламентация деятельности плановых заготовителей в области хлебных цен. Сентябрьский 1926 г. пленум ДКК ВКП(б) одними из основных задач предстоящей кампании определил «проведение безусловного единства заготовителей в политике цен и охват их конвенционными договорами» [ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 88—89].

Восстановительный период на Дальнем Востоке был отмечен неуклонным ростом цен на сельхозпродукцию. Особенно резкий скачок произошёл зимой 1925/26 г., когда советским государством были сделаны решительные шаги по прекращению закупок продовольствия для дальневосточных потребителей за рубежом и окончательной переориентации региона на поставки сибирского зерна. В свою очередь Сибирь, вовлечённая в кризис хлебозаготовок, оказалась не в состоянии своевременно обеспечить нужды ДВК. Организационная перестройка регионального потребительского хлебного рынка, затянувшаяся до весны 1926 г., сопровождалась постоянными перебоями в снабжении городов и провоцировала рост цен. За сезон крестьяне подняли свои цены на продукцию земледелия в среднем на 36%, в то время как в 1924/25 г. рост цен производителя составил только 7%. Вынуждено было поднимать закупочные цены и государство: в среднем по региону они были больше цен 1924/25 г. по пшенице — на 19,7%, ржи — на 27,7%, ячменю — 35,7%, овсу — на 107,7%. Цены на второстепенные и технические культуры выросли на 10—15% [2, с. 5]. Дорожали хлебопродукты в городской оптовой торговле и рознице [8, с. 3].

Советское и партийное руководство края негативно оценивало рост цен на зерно и хлебопродукты. Приоритетным для государства было проведение «выдержанной политики цен», что подразумевало недопущение разрыва осенних и весенних цен, борьбу со спекулятивными действиями крестьянства на хлебном рынке, обеспечение снижения закупочных цен. Устанавливая уровень цен, регулирующие органы руководствовались в первую очередь интересами рентабельности заготовительных и хлебо-торговых операций для государственных и кооперативных организаций [8, с. 308—309]. Данный подход привёл к тому, что на Дальнем Востоке, зависящем от ввоза зерна, закупочная цена оказалась «заточена» под конъюнктуру не регионального, а сибирского рынка. Далькрайпланом были рекомендованы и в сентябре 1926 г. постановлением пленума Далькрайисполкома утверждены следующие принципы расчёта заготовительных цен на дальневосточное зерно: учёт цен сибирского заготовительного рынка и стоимость сибирского зерна по районам ДВК, соотнесение цены на экспортные культуры с иностранными рынками сбыта. Для каждой

губернии, исходя из стоимости ввозимого зерна и с учётом транспортных и накладных расходов, рассчитывались оптовые цены. Заготовительная цена для крестьянства определялась путём вычитания из оптовой накладных расходов по заготовкам и реализации зерна и ожидаемой прибыли. Одновременно указывалось, что уровень цен должен быть выгодным для крестьянства и стимулировать развитие сельского хозяйства в нужном направлении [ГАХК. Ф. р-353. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Ф. п-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 88—89; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 973. Л. 88; ГАПК. Ф. р-86. Оп. 1. Д. 4. Л. 110, 112, 113]. Однако принцип соответствия закупочных цен интересам крестьянства оставался декларативным. Уровень приемлемых безубыточных для крестьян цен определялся на Дальнем Востоке по довоенным эквивалентным соотношениям сельскохозяйственных продуктов, что не учитывало серьёзных изменений конъюнктуры регионального аграрного рынка, произошедших после революции и Гражданской войны [6, с. 82—83].

Иные подходы к формированию заготовительной цены предлагали специалисты-аграрники, подчёркивавшие потенциальную эффективность адекватной ценовой политики как регулятора аграрного развития. Дальневосточное земельное управление отмечало положительный эффект роста хлебных цен. В отчётном докладе Дальземуправления краевому совещанию земельных работников ДВК 21—20 ноября 1926 г. подчёркивалось, что понижение цены на сельскохозяйственную продукцию не давало крестьянству стимула для расширения производства, и только восстановление ценовых эквивалентов обеспечивало интересы крестьян и повышало их заинтересованность в развитии хозяйства. Дальземуправление считало, что эти обстоятельства должны учитываться «при строении цен и установлении размера сельскохозяйственного налога» [3, с. 10].

Дальневосточные экономисты предлагали при определении уровня закупочных цен ориентироваться на сравнительную рентабельность зерновых культур. Были разработаны соответствующие методики расчётов, учитывавшие изменения конъюнктуры регионального аграрного рынка в 1920-х гг., доходность и себестоимость производства зерна в крестьянском хозяйстве. Применение данных методик позволяло проводить гибкую ценовую политику, стимулирующую или ограничивающую производство конкретных хлебов крестьянством [6]. Однако рекомендации специалистов пришлось не ко времени.

В конце 1920-х гг. начинается постепенное свёртывание новой экономической политики. Уже осенью 1925 г. во всероссийском масштабе будут использованы административные рычаги в решении ценовых проблем [5; 9]. В 1926 г. ужесточение ценовой политики государства, курс не просто на сдерживание, а на снижение заготовительных цен распространились и на Дальний Восток. Руководствуясь директивами Наркомторга, Краевое хлебное конвенционное бюро стремилось к снижению цен по сравнению с ценами прошлой кампании, однако самостоятельно сделать это не смогло. Поэтому в директивном порядке распоряжением Наркомторга перед началом хлебной кампании закупочные цены на все культуры, кроме риса,

на Дальнем Востоке были снижены в среднем по региону на 15% (по отношению к осени 1925 г.) [ГАХК. Ф. р-353. Оп. 1. Д. 34. Л. 79 об.; РГИА ДВ. Ф. р-2485. Оп. 1. Д. 21. Л. 10; ГААО. Ф. р-376. Оп. 1. Д. 15. Л. 17—18]. Если сравнивать новые государственные закупочные цены с весенне-летним уровнем 1926 г., то обвал будет выглядеть более сильным. В этом случае заготовительная цена на пшеницу, например, в Амурском округе упала на 27,3%, ярицу — на 36,3% [7]. Только в силу очень хорошего урожая 1926 г., заставившего дальневосточное крестьянство так же снижать свои ценовые притязания, это решение не имело негативных последствий для хода заготовительной кампании в крае.

В ходе подготовки к хлебной кампании 1927/28 г. Наркомторг поставил задачу сохранения заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты на уровне 1926/27 г. В то же время предусматривалась возможность корректировки цен по отдельным культурам в сторону как снижения, так и повышения. Средневзвешенная директивная цена по основным зерновым культурам в РСФСР была повышена на 2,5%. На Дальнем Востоке средний уровень заготовительных цен, напротив, был снижен на 2—3%. В целях стимулирования производства специальных и дефицитных хлебов, необходимых краю, цены подняли только на овёс — на 16—17 коп. с пуда, рожь — на 6—7 коп. с пуда. После начала кампании во Владивостокском округе на 15 коп. были подняты цены на соевые бобы. На остальные культуры цены выдерживались твёрдые [10, с. 68—75; ГАЗК. Ф. р-488. Оп. 2. Д. 237. Л. 487—488; ГАПК. Ф. п-67. Оп. 1. Д. 75. Л. 33—34; Д. 91. Л. 12—13].

Повторный богатый урожай 1927 г. вновь смягчил реакцию дальневосточной деревни на зигзаги ценовой политики государства. В первой половине кампании ход хлебозаготовок на Дальнем Востоке, в отличие от других районов страны, был вполне нормальным. Однако к весне 1928 г. регион оказался втянутым в хлебозаготовительный кризис, что в конечном итоге привело к кризису на потребительском рынке и резкому росту цен на продукты питания. Катастрофическое наводнение в хлебопроизводящих районах Амурского округа летом 1928 г. и фактическое прекращение поставок хлебопродуктов из Сибири усугубили ситуацию на зерновом рынке региона. В этих условиях коррективы ценовой политики, на которые оказалось готово государство, уже не соответствовали реальности.

Официальная позиция Москвы по вопросу о ценах накануне заготовительной кампании 1928 г. оказалась крайне противоречивой. И. В. Сталин, выступая на июльском 1928 г. пленуме ЦК ВКП(б) открыто признавал, что заниженные цены на сельхозпродукцию в сочетании с более высокими ценами на промтовары есть не что иное как добавочный налог на крестьянство в интересах подъёма индустрии [11, с. 159—160]. Но 21 июля постановлением СНК СССР и последующими директивными указаниями Наркомторга было санкционировано повышение заготовительных цен [ГААО. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 82 об.].

На Дальнем Востоке планирование заготовительной кампании 1928/29 г. проходило в условиях очень плохого урожая, обостряющегося

продовольственного кризиса, галопирующего роста цен на продукты питания, ожидаемого увеличения потребления хлеба в связи с планами вселения в край 76,5 тыс. человек. Для смягчения кризиса дальневосточная власть вынуждена была вновь начать закупку зерна для потребительских нужд в соседней Маньчжурии. Стремясь остановить рост цен на городских рынках, Далькрайисполком 17 июля 1928 г. принимает директиву, предписывавшую стабилизировать заготовительные цены на хлебофуражную продукцию на уровне марта — апреля 1928 г., когда в регионе ещё не было резкого роста цен. Устанавливая цены на конкретные культуры, регулирующие органы обязывались обеспечить сохранение весеннего индекса зерновых [ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 3. Л. 1—3].

В то же время дальневосточные окружкомы партии, опираясь на постановление СНК от 21 июля, стремились добиться более выгодных условий для «своего» крестьянства. Повышенные цены на зерновые культуры устанавливались в тридцативёрстной пограничной полосе с учётом факта близости китайского рынка. Амурский окружком, утвердивший 17 июля цены на предстоящую кампанию, уже 31 июля пересмотрел их в сторону повышения. Однако в конце августа по настоянию краевых регулирующих органов директивные цены практически по всем культурам были заметно снижены. В среднем краю, по официальным заявлениям перед началом кампании 1928 г., государственные заготовительные цены были увеличены на рожь на 23%, пшеницу — 9,3%, рис — 2,3%, меньше всего цены были подняты в Амурском округе [ГАХК. Ф. р-137. Оп. 4. Д. 3. Л. 55; Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 11—12; ГААО. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 59, 82 об., 112].

Партийное руководство утверждало, что «благоприятная для крестьян политика цен и увеличение снабжения деревни промышленными товарами» создают все условия для благоприятного хода хлебозаготовок в крае. Реальная ситуация оказалась далека от оптимистичных оценок. Сдерживание заготовительных цен привело только к опережающему росту крестьянских цен на зерно и их резкому расхождению с официальными [ГААО. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 15. Л. 174—176; ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 11—12].

Ценовая политика конца 1920-х гг. на хлебном рынке, как и другие аспекты аграрной политики, по-разному воспринималась дальневосточниками. Немалая часть ответственных партийных и хозяйственных работников продолжала выступать за увеличение закупочных цен. 9 марта 1928 г. в ходе рассмотрения вопроса о ценах на предстоящую заготовительную кампанию Краевым хлебным конвенционным бюро большинство участников совещания, прежде всего представители Крайторга и Дальземуправления, настаивали на повышении цен в целях стимулирования зернового производства [ГАЗК. Ф. р-488. Оп. 2. Д. 132. Л. 124]. Весной — летом 1928 г. в поддержку экономических мер стимулирования хлебосдачи выступали рядовые партийцы. Член Мазановского райкома Урманов предлагал: «Цены на зерно надо повысить. Условия района говорят за это. Округ знает об этом, но молчит». Осенью 1928 г. Амурский окружком партии продолжал настаивать перед краевыми органами на

повышении цен на основные продовольственные культуры [ГААО. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 112; Д. 238. Л. 1—3]. Выступая на пленуме Владивостокского окружкома партии в сентябре 1928 г., т. Беликов отстаивал необходимость повышения цен на пшеницу и овёс, «...в котором у нас большие потребности для лесозаготовок и других отраслей промышленности и особенно нужно повысить цену на крупяное зерно, гречиху и просо, учитывая почти совершенно отсутствие в продаже этих круп и чрезмерную высоту цен на неё, доходящую до 4—4,5 рубля за пуд. Против этой цены существует вполне резонное недовольство потребителя рабочего и крестьянина-промысловика, которые заявляют, что гречиху и просо вы скупаете у крестьян по 65—76 копеек, а крупу продаёте по 4,5 рубля, да и за эту цену её нет» [ГАПК. Ф. п-67. Оп. 1. Д. 145. Л. 22].

Но большинство советских и партийных работников, заготовителей в конце 1920-х гг. уже не проявляли лояльности к крестьянству, или не осмеливались выступать в поддержку деревни, фактически разделив официальный курс на сдерживание зерновых цен. Позиция дальневосточных сторонников политики твёрдых цен сводилась к следующему: «...надо воспитывать массы в деревне: разъяснять и рассказывать, что мы находимся в этом отношении в более благоприятных условиях, чем где-либо, что расхождение цен у нас меньше, чем где-либо, что цен повышать мы не будем и что мы их в заготовительный период оставим твёрдыми» [ГАПК. Ф. п-67. Оп. 1. Д. 145. Л. 46]. Ещё более определённо выразился на районном совещании заготовителей в декабре 1928 г. представитель Владивостокского окружного исполкома по заготовкам в Ивановском районе Ермолин: «Задача заготовителей — выбить из голов зажиточного крестьянина надежду на повышение цен» [ГАПК. Ф. п-67. Оп. 1. Д. 185. Л. 185].

Таким образом, в 1920-х гг. на Дальнем Востоке с некоторым временным сдвигом в полной мере реализуется общая для всей страны ценовая политика. Она была ориентирована на обеспечение рентабельности хлебозаготовок для государственных и кооперативных организаций, прибыльности экспорта зерна, приемлемости цен для городского потребителя. Государственное регулирование цен на хлебном рынке осуществлялось через специально выстраиваемую административную вертикаль.

Стимулирующие возможности адекватной ценовой политики, о которых много говорили дальневосточные специалисты-аграрники и трезвомыслящие практические работники, оказались не востребованными в силу стремления государства к монопольному положению на хлебном рынке. В этой ситуации интересы государства как основного заготовителя (покупателя) хлебопродуктов не могли не противоречить интересам крестьянства (продавца). Экономическая практика советской власти исходила из представлений о возможности прямого воздействия на уровень цен посредством простого административного регламентирования издержек производства и оборота или манипулирования субъектами рынка.

Сложившаяся на Дальнем Востоке практика ценообразования свидетельствовала об отсутствии научно обоснованной методики расчёта

заготовительных цен, что во многом обуславливалось непониманием советской номенклатурой экономических смыслов тех явлений и процессов, с которыми ей приходилось сталкиваться ежедневно. Корни этого непонимания кроются не только в постепенном утверждении вульгаризированного марксизма в качестве основной государственной идеологии и единственной методологической основы изучения социальных процессов, но и в ограничениях марксистской политэкономии. По свидетельству Н. Валентинова-Вольского, сам К. Маркс в третьем томе «Капитала» фактически констатировал непостижимость феномена цен в рамках своей теории [1, с. 255]. Тем более, понимание этого явления оказалось недоступным для широких кругов партийно-государственной номенклатуры, в массе своей не имеющей достаточного образования, необходимого опыта работы в реальном секторе и оказавшейся склонной к восприятию антирыночных моделей развития.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 367 с.
2. Дальневосточная краевая плановая комиссия. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК за 1 полугодие 1925/26 года. Б.м. Б.г. 59 с.
3. Дальневосточное краевое земельное управление: резолюции и материалы III краевого совещания земельных работников Дальневосточного края 21—30 ноября 1926 г. Хабаровск: Изд-во Далькрайземуправления, 1927. 141 с.
4. Долгов Л.Н. Экономическая политика Гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во гос. пед. ин-та, 1996. 150 с.
5. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921—1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.
6. Кабрицкий И.А. Основные вопросы политики заготовительных цен // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1928. № 1. С. 82—91.
7. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК в сентябре 1926 г. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Приложение. 1926. № 10—11. С. 1—22.
8. Отчёт Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925—1926 год / под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. Хабаровск: Типо-лит. Акц. О-ва «Книжное дело». Хабаровск, 1927. 436 с.
9. Россия нэповская / С.А. Павлюченков (рук. авт. коллектива) [и др.]; под общ. ред. А.Н. Яковлева; [Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева)]. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
10. Светов М. Хлебозаготовки в Дальневосточном крае // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1928. № 2. С. 68—75.
11. Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) 4—12 июля 1928 г. // Соч. Т. 11. М.: Госполитиздат, 1949. 381 с.
12. ГААО (Гос. арх. Амурской области).
13. ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края).
14. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
15. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
16. РГАСПИ (Российский гос. арх. социально-политической истории).
17. РГИА ДВ (Российский гос. исторический арх. Дальнего Востока).